

безъ всякаго замѣшательства и разговоровъ, приученною къ театральному дѣлу командою нижнихъ чиновъ, изволилъ обратить на это вниманіе бывшего тутъ г. директора театровъ Александра Михайловича Геденова и вторично удостоилъ благодарности Николая Петровича. Въ концѣ спектакля, Петръ Ивановичъ Григорьевъ пропѣлъ сочиненные имъ, на случай открытія театра, стихи, которые начинались такъ:

«Пой, веселись, народъ нашъ православный!..»

Далѣе словъ не могу припомнить, но послѣдній куплетъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Для лагерей жизнь—радость наступила,

Такъ пусть твердитъ здѣсь каждый офицеръ:

Да здравствуетъ преемникъ *Михаила*,

Нашъ корпусный начальникъ-кавалеръ!»

Невозможно описать тотъ единодушный взрывъ восторга, который охватилъ публику: всѣ моментально вскочили съ мѣстъ и огласили театръ громкимъ-дружнымъ—«ура!» Государь Императоръ и Августѣйшій корпусный начальникъ изволили встать и, удостоивъ всемилостивѣйшимъ поклономъ актера и зрителей, удалились изъ зала, сопровождаемые всѣми присутствующими, громко кричавшими: «ура!»

При отъѣздѣ изъ театра Его Величество опять осчастливилъ милостивою благодарностію Николая Петровича, который былъ этимъ не только вполне вознагражденъ за всѣ понесенные труды, но считалъ себя на верху блаженства, такъ какъ онъ издавна усвоилъ себѣ выраженіе, что *«нѣтъ выше счастья для вѣрнопогоданнаго, какъ видѣть Государя, довольнаго его трудами»*.

Николай Петровичъ Синельниковъ, само собою, былъ директоромъ самостоятельнымъ, совершенно независимымъ

отъ дирекціи Императорскихъ театровъ, отъ которой онъ, такъ сказать, лишь бралъ *заимообразно* артистовъ.

Дирекція Императорскихъ театровъ въ этомъ дѣлѣ принимала участіе только тѣмъ, что командировала въ Красное Село режиссера А. А. Краюшкина съ предписаніемъ «рекомендовать тамошнему директору всѣ *лучшія* пьесы, обставленныя *лучшими-же* актерами». Сначала, на Красносельскомъ театрѣ оркестръ былъ составленъ изъ *избранныхъ* полковыхъ музыкантовъ, подъ личнымъ управленіемъ главнаго капельмейстера всѣхъ гвардейскихъ корпусовъ, г. Чаплевскаго. Однако-жь, на практикѣ оказалось, что полковые музыканты, безукоризненно исполняющіе увертюры, для акомпанимента водевильныхъ куплетовъ были неспособны. Безъ сомнѣнія, они сладили-бы и съ куплетами, но на это понадобилось-бы не мало времени, а въ Красномъ Селѣ каждому спектаклю дѣлалась лишь одна репетиція. Вслѣдствіи этого, оркестръ сдѣлался смѣшаннымъ, т. е., къ полковымъ музыкантамъ прибавлялись музыканты Александринскаго театра, и въ водевиляхъ управлялъ оркестромъ дирижеръ того-же театра, Викторъ Матвѣевичъ Кажинскій.

Костюмы, парики, бутафорскія вещи, пьесы и ноты отпускались изъ дирекціи Императорскихъ театровъ.

Поѣздки въ Красное Село для актеровъ были какъ-бы загородною прогулкою, или правильнѣе: поѣздкою на дачу, въ гости къ радушному и хлѣбосольному хозяину.

Въ день спектакля, всѣ въ немъ участвующіе собирались къ девяти часамъ утра, къ Александринскому театру, гдѣ ихъ ожидали большіе съ имперіалами дилижансы, запряженные шестерикомъ. Поѣздъ отправлялся по нарвской дорогѣ (желѣзной въ Красное Село тогда еще не существовало). У «Содоменнаго кабачка» перемѣняли ло-

шадей, откуда поѣздъ слѣдовалъ уже до мѣста. По прїѣздѣ въ Красное Село, путешественники радушно привѣтствовались хозяиномъ-директоромъ, за которымъ и отправлялись въ павильонъ, на озеро, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный завтракъ (очень часто завтракъ бывалъ приготовляемъ и въ самомъ театрѣ, позади сцены). Послѣ завтрака, обыкновенно, дѣлалась репетиція спектакля. Затѣмъ, актеры отправлялись на прогулку по окрестностямъ, для чего всегда имѣлись придворныя линейки для дамъ и верховыя лошади для мужчинъ...

По поводу этихъ прогулокъ, мнѣ припомнился довольно курьезный случай. Однажды, послѣ репетиціи, молодой актеръ В., выйдя изъ театра, воскликнулъ:

— Экая досада, верховыхъ лошадей всѣхъ расхватили, а хотѣлось-бы прокатиться! Н. П. Синельниковъ, располагая отправиться домой пѣшкомъ, услыша жалобу В—ва, былъ столько любезенъ, что предложилъ ему свою лошадь. В., поблагодаривъ Николая Петровича, молодцомъ подошелъ къ высокому, статному коню, бѣлой масти, еще молодцоватѣ вскочилъ въ сѣдло и... съ мѣста маршь-маршъ, такъ, что солдатъ, державшій коня, едва успѣлъ отскочить въ сторону, прѣворчавъ при этомъ что-то сквозь зубы, и кажется, не пожеланіе счастливаго пути. Въ одно мгновеніе, В—ва, какъ говорится, «слѣдъ простылъ»... Вотъ что потомъ рассказывалъ В. о своемъ путешествіи: онъ предполагалъ поѣхать на Дудеръ-Гофъ полюбоваться красивою мѣстностью и вовсе не располагалъ скакать, сломя голову. Когда-же лошадь ринулась съ мѣста, то онъ, желая ее сдержать, тянулъ поводья все туже и туже, а лошадь скакала все пуще и пуще, и вовсе не къ Дудеръ-Гофу, но избрала болѣе знакомую ей дорогу—къ главному лагерю, по которой и летѣла вихремъ. Пролетѣвъ въ нѣ-

«сколько минут довольно большое расстояние, от театра до лагеря, лошадь влетѣла на такъ называемую «большую улицу» лагеря, и въ глазахъ В—ва, справа и слѣва замелькали бѣлыми пятнами палатки, расположенныя по обѣимъ сторонамъ улицы. Но какъ былъ его ужасъ, когда онъ замѣтилъ, что летитъ прямо въ большую палатку полковаго командира, стоящую поперекъ улицы, при ея окончаніи. Въ палаткѣ, открытой настежь, были гости: офицеры и дамы. Гости встревожились; мужчины выскочили изъ палатки, вѣроятно, съ цѣлью силою остановить отчаяннаго наѣздника, но, къ счастью, катастрофа устранилась по весьма простой и естественной причинѣ: В—въ, предвидя весь ужасъ угрожающей катастрофы, съ отчаянія закрылъ глаза руками, для чего, разумѣется, долженъ былъ бросить поводья, а лошадь, какъ видно, только того и желала, потому что, въ то-же мгновеніе, она остановилась, какъ вкопанная, вѣзавшись передними ногами, по самымъ щеткамъ, въ песокъ передъ самымъ входомъ въ палатку...

И конь, и всадникъ одинаково были покрыты потомъ, и оба одинаково тяжело дышали; конь-же, кромѣ того, еще и отфыркивался, выбрасывая изъ рта кровавую пѣну...

Бѣда произошла оттого, что, В—въ, хотя, въ действительности, былъ не только смѣлымъ, но и, можно сказать, искуснымъ наѣздникомъ, но только, къ несчастію, ему никогда не приводилось ѣзжать на военной лошади, а потому онъ и не имѣлъ понятія, какъ ладить съ мундштуками...

Видно, не только отъ великаго, но и отъ ужаснаго до смѣшнаго тоже одинъ только шагъ: гости командира, сначала такъ много встревоженные неожиданною кавале-

рійскою атакою, еще больше смѣялись, когда дѣло выяснилось. Они объяснили В — у, какъ должно управляться съ мундштукомъ, причемъ, между прочимъ, выразили удивленіе, что лошадь подъ нимъ не запрокинулась, бывши такъ страшно затягиваема.

В. сумѣлъ воспользоваться уроками на счетъ мундштука на столько, что на томъ-же конѣ возвратился къ театру; но только шагомъ, не рискуя пускать коня ни рысью, ни галопомъ...

Обыкновенно, по возвращеніи съ прогулки, актеры садились за превосходно приготовленный и сервированный обѣдъ, иногда въ павильонѣ, иногда же въ театральномъ, довольно обширномъ, фойе. За обѣдомъ, кромѣ прочихъ винъ, подавалось *непременно* и шампанское, въ *неограниченномъ* количествѣ. Послѣ обѣда подавался кофе и чай, по желанію каждаго. Затѣмъ одни расхаживали по уборнымъ на отдыхъ, а другіе отправлялись или кататься на лодкахъ по озеру, или гулять въ паркѣ, гдѣ обыкновенно, отъ окончанія обѣда до начала спектакля, игралъ хоръ военной музыки. Въ восемь часовъ вечера начинался спектакль, во время котораго за кулисами подавался чай.

По окончаніи спектакля, ужинали обыкновенно въ павильонѣ. Ужинъ, конечно, былъ такъ-же хорошъ, какъ и обѣдъ, съ тѣми-же винами. Словомъ, между обѣдомъ и ужиномъ бывала разница только та, что за первымъ актеры пили, сколько могли, а за послѣднимъ — сколько хотѣли...

Иногда случалось, что спектакли въ Красномъ Селѣ назначались два дня къ ряду; тогда актеры, участвующіе въ обихъ, оставались ночевать въ театрѣ, для чего, по уборнымъ, приготовлялись для каждаго *офицерская*

кровать съ безукоризненнымъ обѣдомъ. Поутру каждый посылалъ въ ресторанъ *) за чашку или кофе (на счетъ красносельской дирекціи). Затѣмъ, выкупавшись въ отличной ваннѣ (разумѣется, бесплатно), въ ожиданіи репетиціи, или, правильнѣе, завтрака, гулялъ, ловилъ рыбу на озерѣ, или училъ роль...

Впрочемъ, не столько были дороги обѣды и ужины съ ихъ винами и всѣ прочія удобства, сколько то вниманіе, съ какимъ они предлагались. Повторяю, что Николай Петровичъ относился къ актерамъ, какъ къ своимъ собственнымъ гостямъ. Въ доказательство-же того, что это радушіе было искренне, я смѣю привести слѣдующее: «Николай Петровичъ и теперь (несмотря на протекшія «двадцать шесть лѣтъ») вспоминаетъ объ этихъ обѣдахъ и «ужинахъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ съ «удовольствіемъ. Интереснымъ разсказамъ, остроумъ, «экспромтамъ, не было конца. Приличіе, согласіе и «дружба царили между артистами, да и кто были эти «люди? Яковъ Григорьевичъ Брянскій, Василій и Петръ «Андреевичи Каратыгины, Петръ Ивановичъ Григорьевъ, «Василій Васильевичъ Самойловъ, Александръ Евстафье-«вичъ Мартыновъ, Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, «Вѣра и Надежда Васильевны Самойловы, Прасковья Ива-«новна Орлова, Катерина Николаевна Жулева, Н. Н. «Степанова (оперная) и неистощимая, такъ сказать, на • «прибаутки, весьма уважаемая между артистами Елена «Ивановна Гусева. Вотъ какіе люди составляли тогда

*) Ресторанъ, открывающійся на лагерное время, помѣщался въ паркѣ, въ зданіи, выстроенномъ также Николаемъ Петровичемъ.

«нашу русскую труппу; а теперь, какъ измелъчала она «сценическими талантами *)!»

Внимательность Николая Петровича къ гостямъ прости-ралась до того, что *кушанья заказывались по личному его распоряженію*, отъ чего обѣды и ужины и не походили на обыкновенные трактирные, хотя и приготовлялись вышеупомянутымъ рестораномъ.

Помню, какъ однажды Николай Петровичъ встрѣтилъ прѣхавшихъ актеровъ слѣдующею фразою:

— Ну, господа, не знаю, одобрите-ли мое распоряженіе? Я приказалъ къ завтраку, чтобы онъ болѣе походилъ на домашній, приготовить, между прочимъ, молодой картофель «въ мундирѣ»...

Въ сущности, оно, конечно, мелочь, но вниманіе только то и дорого, которое способно доходить, даже, до мелочей. Тѣмъ болѣе дорого было такое вниманіе въ Николаѣ Петровичѣ, считавшемся всѣми, кто хорошо зналъ его, человѣкомъ, неспособнымъ ни дѣйствовать, ни говорить, *ради любезности*, противъ того, что у него на душѣ...

За ужиномъ обыкновенно происходило совѣщаніе о будущемъ спектаклѣ. Составъ спектаклей бывалъ преимущественно изъ русскихъ небольшихъ пьесъ. Николай Петровичъ былъ неохочъ какъ до иностранныхъ произведеній, такъ и до балетовъ, безъ которыхъ въ послѣдующія времена не обходится ни одинъ красносельскій спектакль. Изрѣдка, одна изъ русскихъ пьесъ замѣнялась французскою, или нѣмецкою.

По окончаніи сезона, актеры вознаграждались разовыми,

*) Эти свѣдѣнія сообщены пишущему почтеннѣйшимъ Петромъ Павловичемъ Суворовымъ, слышавшимъ ихъ отъ его высоко-превосходительства Николая Петровича Сянельникова.

въ размѣрѣ болѣе того, который получали они отъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Исполняющіе мелкія рѣли получали по пяти рублей, а выходящіе «на выходъ» — по три. Трудъ режиссера вознаграждался десятию рублями за спектакль, а его помощника — пятию (помощникомъ режиссера былъ тогда Николай Ивановичъ Горшенковъ). Кромѣ того, многіе изъ актеровъ («первачей») удостоивались подарковъ отъ Государя Императора и Государя Наслѣдника.

У Николая Петровича была идея заселить пустырь, окружающій театръ, или, правильнѣе: заселить его на лѣтнее время. Онъ предполагалъ, распространяя паркъ все больше и больше, застраивать его дачами, учреждать въ паркѣ различныя гулянья и увеселенья, и тѣмъ привлечь охотниковъ поселяться на этихъ дачахъ. И, конечно, дачи заселились-бы семействами офицеровъ, стоящихъ въ лагерѣ.

Николай Петровичъ и построилъ уже три небольшіе, но очей уютныя домика, снабдивъ ихъ, даже, и мебелью, въ которыхъ помѣщались на лѣто нѣкоторыя семейныя актеры (безъ всякой платы). Первыми жильцами этихъ домиковъ были: Надежда Васильевна Самойлова, Петръ Ивановичъ Григорьевъ и Алексѣй Михайловичъ Максимовъ. Однако, этой идеѣ не суждено было осуществиться: Николай Петровичъ, получа иное назначеніе, оставилъ управленіе театромъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, оставилъ и добрую о себѣ память, которая живетъ и понынѣ *).

По окончаніи перваго Красносельскаго театральнаго сезона въ наступившемъ посту, актеры пожелали безвозмездно

Въ 1851 году, 6 Декабря, Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы, а въ слѣдующемъ, 1852 году, Февраля 22, назначенъ Московскимъ Губернаторомъ.

дать концертъ въ пользу музыкантовъ, составляющихъ оркестръ и собранныхъ изъ войскъ. Театръ былъ полонъ. На концертъ собрался весь персоналъ артистовъ, участвовавшихъ въ спектакляхъ. Концертъ состоялъ изъ нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ; кромѣ того, Осипъ Афонасьевичъ Петровъ, хотя и не участвовалъ въ представленіяхъ на Красносельскомъ театрѣ, и пріѣхалъ только по желанію видѣть театръ, пропѣлъ въ концертѣ: «Борода-ля моя, бородушка». Г-жа Степанова пѣла «Соловья», Праксovia Ивановна Орлова прочла «Отъѣздъ Курдюковой за границу», Александръ Евстафьевичъ Мартыцовъ читалъ изъ «Мертвыхъ душъ», Катерина Николаевна Жулева пѣла куплеты изъ любимыхъ водевилей и Елена Ивановна Гусева пѣсню: «Ходить вѣтеръ у воротъ». Наконецъ, наступилъ прощальный ужинъ.

Господа артисты почтили достойно Николая Петровича, благодарили спичами за его вниманіе и заботливость, а за послѣднимъ бокаломъ, за его здоровье, Елена Ивановна Гусева, вставъ съ мѣста, сказала: «мы, женщины, говорить похвальныхъ рѣчей не будемъ, а поблагодаримъ нашего голубчика полковника порусски», и съ этими словами обняла Николая Петровича и поцѣловала его, пригласивъ къ тому-же и прочихъ артистовъ.

Послѣ Николая Петровича, въ званіи директоровъ я видѣлъ еще троихъ полковниковъ: Михаила Матвѣевича Ефимовича, Гавріила Антоновича Оедорова и Константина Михайловича Ушакова. Изъ всѣхъ троихъ лишь одинъ, послѣдній, напоминалъ нѣсколько Николая Петровича, если и не такимъ-же пониманіемъ дѣла, то, по крайней мѣрѣ, такую-же къ нему любовь.

Что-же касается управленія театромъ, то съ выбытіемъ Николая Петровича, характеръ его совершенно измѣнился.

Прежняго порядка не оказалось, доступъ за кулисы сдѣлался доступенъ для всѣхъ, и когда спектакль не удостоивался посѣщенія Высочайшихъ особъ, то за кулисами бывала тѣснота отъ набравшихся молодыхъ офицеровъ, тогда какъ, во времена Николая Петровича, ихъ никогда не бывало видно даже на театральномъ подъездѣ. Точно также, во время обѣдовъ и ужиновъ, столовая наполнялась военною молодежью.

Дуть кстати упомянуть, что безъ Николая Петровича и самыя обѣды и ужины утратили свой домашній-хозяйственный характеръ. Не говоря о томъ, что качества и количества блюдъ и винъ стали далеко не тѣ, но и происходили обѣды и ужины уже не въ фойѣ театра, или въ павильонѣ, а въ самомъ ресторанѣ, съ пошлою и грязною трактирною обстановкою. По поводу таковой перемены, покойный Викторъ Васильевичъ Прусаковъ выразился такъ: «Синельниковъ актеровъ угощалъ, а этотъ директоръ — производитъ ихъ кормленіе!»

Кстати, о Прусаковѣ. Вспомнилъ я, какъ онъ, однажды, за ужиномъ (тамъ же въ Красномъ Селѣ), сконфузилъ одного юнаго балетнаго танцора. Танцоръ этотъ имѣлъ непреодолимое влеченіе къ французскому языку и хотя рѣшительно не понималъ его, но очень часто, въ разговорѣ, не обинуясь, вставляя французское слово, вовсе не заботясь, кстати оно, или нѣтъ.

Во время ужина, Константинъ Михайловичъ Ушаковъ (бывшій тогда директоромъ) вдумалъ рассказать какой-то анекдотъ на французскомъ диалектѣ, чѣмъ поставилъ слушателей въ довольно неловкое положеніе. Хотя сидящихъ за столомъ было порядочное количество, но изъ знающихъ французскій языкъ былъ одинъ, лишь Викторъ Василье-

вичъ Прусаковъ *) . Всѣ слушали анекдотъ потупившись:

* , Прусаковъ родомъ былъ французъ (застоящаго его фамилія: Кромолей). Онъ никогда не хвастался званіемъ французскаго языка; если-же ему приводилось иногда говорить на немъ, то слова произносились имъ съ самымъ грубымъ русскимъ акцентомъ. Викторъ Васильевичъ, вообще, любилъ *напускать* на себя грубость и мужиковатость.

По поводу этого анекдота, когда мои воспоминанія, печатались въ газетѣ „Петербургскій Листокъ“, въ редакцію было прислано письмо изъ провинціи, доказывающее, что В. В. Прусаковъ, не только не былъ французомъ, но и вовсе не зналъ французскаго языка. Въ подтвержденіе чего, авторъ письма приводитъ свое личное знакомство съ Прусаковымъ въ бытность его въ одной изъ провинцій. Не знаю, кто изъ насъ болѣе правъ: пишущій ли письмо, по знакомившіиса съ Викторъ Васильевичемъ при концѣ его жизни, или я, прослужившій съ нимъ пятнадцать лѣтъ и слышавшій о происхожденіи Прусакова какъ лично отъ него самого, такъ и отъ его сверстниковъ. По поводу этого мнѣ невольно, пришло въ голову: съ *настоящимъ*-ли Прусаковымъ познакомился авторъ письма? Не былъ ли то Прусаковъ—самозванецъ, такъ какъ въ прежнія времена, между провинціальными актерами, было въ сильномъ ходу писаться на афишахъ фамиліями столичныхъ актеровъ. Такъ однажды одно высокостоявшее лицо, возвращаясь изъ путешествія по Россіи, бывши въ Александринскомъ театрѣ, удостоенъ разговоромъ Алексія Михайловича Максимона, между прочимъ, сказалъ: „Я могу передать вамъ поклонъ отъ вашего брата *Михаила*, онъ очень не дуракой актеръ, я видѣлъ его въ Харьковѣ“. Алексій Михайловичъ, выслушавъ это, очень удивился, во-первыхъ, тому, что пробрѣлъ брата *Михаила*, какого до тѣхъ поръ у него не бывало, а во вторыхъ, тому, что если, который нибудь изъ его братьевъ: *Константинъ* или *Николай* и дерекочевали изъ Орла въ Харьковъ, то почему не извѣстили его объ этомъ? Впоследствии оказалось, что высокопоставленное лицо, удостоившее разговоромъ и провинціалаго актера, имѣло дѣло съ *самозванцемъ*, который не только назвался чужою фамиліею, но, даже, не обинуясь, приписался къ чужому семейству.

имъ была задана задача довольно трудная; рассказчикъ предупредилъ ихъ, что анекдотъ *очень смѣшотъ*: стало быть, слушая его, *нужно было засмѣяться*, но засмѣяться, разумеется, во время. Хотя, конечно, по здравому смыслу, казалось-бы лучше всего попросить рассказчика перевести смѣшной анекдотъ на русскій языкъ; однако, не только никто этого не сдѣлалъ, но даже балетный французъ, въ доказательство, что онъ понимаетъ хорошо, слушая анекдотъ, смотрѣлъ прямо въ глаза рассказчика и для поощренія его, *живая головою*, изрѣдка улыбался. Когда-же рассказчикъ, желая перевести духъ, сдѣлалъ маленькую паузу, танцорикъ *покатился со смѣху*.. Рассказчикъ замолчалъ и съ недоумѣниемъ смотрѣлъ на него, не понимая причины такого неистоваго хохота. Но, вдругъ, Прусаковъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, грубо закричавъ танцовщику:

— Погоди ржать-то!... До смѣшнаго-то еще не дошло!..

Вслѣдъ за измѣненіемъ обѣдновъ и ужиновъ, актерамъ перестали отпускать экипажи и верховыхъ лошадей для катанья; музыка въ паркъ была также отмѣнена. Если же и случались спектакли, двадцать къ ряду, то актеры ночевать въ Красномъ Селѣ перестали, вслѣдствіе того, что, рискуя разъ на это, претерпѣли большія неудобства: для многихъ не хватило не только матрасовъ, но даже и подушекъ (объ офицерскихъ кроватяхъ не было и помину), и привелось проводить ночь по цыгански...

Далѣе директоры окончательно отклонили отъ себя заботы о всякихъ удобствахъ актеровъ, а *вдали* единственно сцену. Кормленіе актеровъ прекратилось; вмѣсто онаго, имъ стали выдавать *по три* рубля кормовыхъ *на брата*... Такъ какъ актеры, занятые въ спектакль, про-

водили въ Красномъ Селѣ весь день, съ утра до ночи, т. е. ставились въ необходимость завтракать, обѣдать, ужинать и пить чай. (о винахъ, конечно, слѣдовало забыть), да если, при этомъ, взять въ соображеніе довольно высокую таксу красносельскихъ ресторана и буфета желѣзнодорожнаго вокзала, то, конечно, окажется, что къ этимъ тремъ рублямъ приходилось приплачивать свои собственные.

Тутъ справедливость заставляетъ съ благодарностью вспомнить вниманіе гг. офицеровъ, любезно предложившихъ актерамъ пользоваться обѣдомъ въ «офицерской столовой»*), гдѣ актеры *за тридцать копеекъ* пользовались превосходно приготовленнымъ изъ свѣжей провизіи сытнымъ обѣдомъ. Эти обѣды опять напоминали *домашне*, какъ по своему составу, такъ и по любезной внимательности многочисленныхъ хозяевъ. Внимательность эта простиралась до того, что когда актеровъ набиралось въ столовую такъ много, что нѣкоторымъ изъ нихъ не хватало приборовъ, тогда гг. офицеры уступали имъ свои собственные. Все это было прекрасно, но опять справедливость же заставляетъ сказать, что актеры не сумѣли этимъ пользоваться болѣе одного лѣта. Одинъ изъ актеровъ, являсь въ столовую въ «превеликомъ авантажѣ», повелъ себя такъ, что... этотъ обѣдъ въ «офицерской столовой» былъ послѣднимъ обѣдомъ для всѣхъ актеровъ. При слѣдующемъ же спектаклѣ въ Красномъ Селѣ, когда актеры явились въ столовую, то «хозяинъ», т. е. офицеръ, «дежурный по столо-

*) Само собою, что я не знаю фамилій гг. офицеровъ, даже не помню, къ какому полку они принадлежали. Помню только, что это было общество, поощравшее «офицерскую столовую», а не айшугу къ театру.

вой», очень вѣжливо заявилъ, «*что общество офицеровъ, при всемъ желаніи видѣть за своимъ столомъ и артистовъ, должно лишить себя этого удовольствія, такъ какъ приготовленіе лишнихъ порцій къ обѣду вредно отзывается на общественномъ бюджетѣ ихъ столовой...*» Помню, когда актеры, «не солоно похлебавши» въ «офицерской столовой», отправились искать по свѣту оскорбленному желудку «уголокъ», тогда одинъ изъ нихъ, именно Улисъ Федоровичъ Антонолини, по обыкновенію поглаживая усы и облизываясь, сказалъ, по поводу рѣчи «хозяина столовой»:

— Вотъ что называется—вѣжливѣйшимъ образомъ попросить гостей на три пальца за ворота.

А Викторъ Васильевичъ Прусаковъ прибавилъ:

— Да, это, другими словами: «милости просимъ черезъ заборъ шляпой шей хлебать».

Глава V.

Семень Петровичъ Алекинъ—исправляющій должность режиссера.—Его человѣческія качества.—Необыкновенное хладнокровіе и умѣнье объясняться фразами изъ пьесъ.—Право режиссера наказывать актеровъ арестомъ.—Претензіи различныхъ чиновниковъ быть начальниками актеровъ.—Протестъ Василья Андреевича Каратыгина противъ таковой претензіи.—Роль, которую игралъ кулакъ въ закулисномъ мірѣ.—Директоры театровъ: Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, графъ Борхъ и Андрей Ивановичъ Сабуровъ.—Начальники репертуарной части: Александръ Львовичъ Неваховичъ (называвшійся вице-директоромъ), Евгеній Макаровичъ Семеновъ и Павелъ Степановичъ Федоровъ.—Ожиданіе актерами чего-то лучшаго при каждомъ новомъ администраторѣ.—Возобновленіе допотопныхъ пьесъ, ради воспоминаній молодости начальника репертуарной части.

Но смерти режиссера Воронова, «исправляющимъ» эту должность былъ назначенъ одинъ изъ его помощниковъ—Семень Петровичъ Алекинъ. Его правленіе не ознаменовалось ничѣмъ выдающимся или замѣчательнымъ. Хотя онъ хорошо, практично зналъ театральное дѣло, но, бывши по природѣ человѣкомъ очень скромнымъ, не умѣлъ выказывать передъ начальствомъ своей дѣятельности, какъ дѣлывали иные. Онъ не хлопоталъ ни о какихъ улучшенияхъ и нововведеніяхъ, а былъ лишь точнымъ исполнителемъ приказаній начальства, и сценическое дѣло пошло своимъ порядкомъ по пробитой колѣѣ.

Семень Петровичъ былъ хорошимъ, честнымъ человѣкомъ и превосходнѣйшимъ семьяниномъ. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ взялъ на свое попеченіе двухъ малютокъ племянницъ, круглыхъ сиротъ; бывши холостякомъ и по-

лучая весьма небольшое содержание, онъ вынянчилъ, возрастилъ сиротокъ, опредѣлилъ ихъ въ театральное училище, гдѣ самъ строго слѣдилъ за ихъ успѣхами и, несмотря на то, что времени свободнаго отъ службы имѣлъ очень немного, училъ ихъ игрѣ на фортепiano и училъ серьезно, такъ что обѣ онѣ вышли хорошими музыкантшами и иногда игравали въ концертахъ, даваемыхъ, великимъ постомъ, на сценѣ Александринскаго театра. По выходѣ племянницъ изъ училища *), Семень Петровичъ обѣихъ выдалъ замужъ: первую (Алекину) за молодого, безукоризненнаго поведенія человека и актера не безъ таланта — Александра Александровича Волкова, а вторую (Леонтьеву) за дѣйствительнаго статскаго совѣтника И., которая передъ замужествомъ оставила сцену. Но, видно, Семену Петровичу не суждено было наслаждаться плодами своихъ заботъ, любясь семейнымъ счастьемъ своихъ питомицъ. А. А. Волковъ умеръ года черезъ три-четыре послѣ свадьбы, оставя молодую вдову съ двумя дѣтьми — сыномъ и дочерью, затѣмъ, вскорѣ умерла и сама вдова, а ихъ сироты поступили на попеченіе своего дѣла, т. е. того-же С. П. Алекина. Впослѣдствіи и вторая его племянница также овдовѣла...

И внучковъ Семень Петровичъ точно также вынянчилъ и опредѣлилъ въ театральное училище, а за ихъ воспитаніемъ слѣдилъ такъ-же внимательно, но поступления ихъ на службу не дождался — умеръ...

Въ домашней жизни и въ кругу людей близкихъ Семень Петровичъ былъ веселъ и разговорчивъ; въ жизни-же официальной, т. е. закулисной, отличался молчаливостью,

*) Обѣ онѣ были актрисами драматической труппы и на афишахъ писались: одна — Алекиной, другая — Леонтьевой.

серьезностью и необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Казалось, ничѣмъ нельзя было разсердить его. Петръ Ивановичъ Григорьевъ и многіе изъ сослуживцевъ Семена Петровича часто подшучивали надъ нимъ и остряли, желая поколебать его хладнокровіе, но всѣ труды ихъ оставались тщетны. Подобнымъ острякамъ Семень Петровичъ обыкновенно отвѣчалъ фразами изъ пьесъ (въ прозѣ или стихахъ), подходящими къ разговору, что заставляло удивляться какъ его находчивости, такъ и памяти, потому что фразы приводились не только изъ *текущаго* репертуара, но и изъ пьесъ, давно уже забытыхъ...

Во времена режиссера-повара (упоминаемаго выше), отличавшагося также большимъ хладнокровіемъ, какъ-то, во время спектакля, Семень Петровичъ, права водевилемъ, сдѣлалъ какой-то весьма замѣтный промахъ; режиссеръ, увидя это, тутъ-же заявилъ Семену Петровичу: «Почтеннѣйшій, вы сегодня здѣсь ночуете въ уборной».

Это былъ первый случай, что режиссеръ возымѣлъ желаніе самовластно наказать арестомъ своего помощника... Другой, на мѣстѣ Семена Петровича, возмутился-бы такимъ самоуправствомъ, или, правильнѣе: самодурствомъ своего ближайшаго начальника, но Семень Петровичъ не заявилъ на это никакого протеста, какъ будто-бы это вовсе не его касалось.

Не знаю, имѣлъ-ли режиссеръ власть наказывать своихъ помощниковъ; что же касается актеровъ, то ихъ онъ наказывалъ, т. е. оставилъ, бывало, актера подъ арестомъ, и только на другой день донесеть о томъ рапортомъ директору. Въ то время въ театрѣ трудно было отличить «власть имѣющихъ» отъ неимѣющихъ оной. Тогда различные чиновники, какъ-то: дежурный членъ, экзекуторы, поставленные надъ декораціями, гардеробомъ и обувью, смотритель

театра — чуть-чуть-ли не считали себя *начальниками* актеров. Но, впрочем, актеры иногда протестовали противъ таковыхъ поповнозей чинowników, и протесты иныхъ бывали очень внушительны. Такъ, однажды, Василий Андреевичъ Каратыгинъ, въ день своего бенефиса, одѣвался въ уборной. Надо знать, что каждый актеръ, въ день своего бенефиса, бываетъ въ очень возбужденномъ состояннн; тревоженъ и раздражителенъ, чему причиною служатъ вопросы, задаваемые себѣ каждымъ бенефициантомъ: во-первыхъ — «какъ приметъ меня публика?» во-вторыхъ — «насколько удачно исполнится моя роль?», и, наконецъ, въ-третьихъ, тоже немаловажный вопросъ: «сколько очистит-ся?» (т. е. сбору).

Василій Андреевичъ, никогда не любившій развлекать-ся чьимъ-бы то ни было присутствіемъ въ его уборной, въ этотъ вечеръ былъ необыкновенно тревоженъ и не-собщителенъ, такъ какъ игралъ новую, очень трудную роль. На бѣду, *начальнику гардероба*, экзекутору Ивану Ивановичу Г., вздумалось пойти къ Василію Андреевичу и поумничать что-то насчетъ его костюма... Не знаю, о чемъ разговаривали экзекуторъ съ артистомъ, да и врядъ-ли успѣлъ произойти между ними какой-либо разговоръ, потому что не прошло и трехъ минутъ, какъ дверь уборной распахнулась и экзекуторъ вылетѣлъ изъ нея кубаремъ, черезъ всѣ шесть ступеней, пробормотавъ при этомъ: «того, того, Василій Андреевичъ, напрасно... такъ вамъ, того, негодится!...» Затѣмъ, всталъ, отряхнулся, поправивъ хохоль, и... какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ дальше.

Да, какъ припомнится, то въ прежнія времена и въ закулисномъ мнрѣ, такъ-же какъ и въ городскомъ обиходѣ, кулакъ игралъ весьма значительную роль... Маши-

нисты били плотниковъ, старшій бутафоръ младшихъ, «мастера» сапожнѣй и портной били — помощниковъ, экзекуторы били каждый подчиненныхъ по своей части, смотритель театра билъ всѣхъ безъ разбора: сторожей, плотниковъ, сапожниковъ и портныхъ. Смотрителемъ театра былъ отставной офицеръ фельдъегерскаго корпуса Л., огромнѣйшихъ размѣровъ и до неприличія ожирѣвшій мужчина, на кривыхъ, колесообразныхъ ногахъ. Онъ, бывало, въ продолженіи цѣлаго спектакля, сидитъ на скамейкѣ у лѣстницы, ведущей изъ царскаго бенуара за кулисы; для того-же, чтобы нѣсколько разнообразить такое несложное занятіе, царьдѣка Л., поднявшись, бывало, со скамьи, переваливаясь съ ноги на ногу и тяжело дыша, подойдетъ къ кому-нибудь изъ театральной прислуги и, ни слова не говоря, хватитъ его въ лице со всей силы своею мощной дланью. Это значило, что г. смотритель нашель служителя находящимся не на своемъ мѣстѣ. Дѣйствовалъ-же такъ г. смотритель, по личному его сознанию, по привычкѣ, которую онъ приобрѣлъ съ юныхъ лѣтъ, бывши фельдъегеремъ, ибо: «съ ямщиками безъ зуботычинъ недѣзя было ладить». И однажды, въ силу такой привычки, смотритель не задумаясь разбить въ кровь лице старшему бутафору Л.—у, состоявшему слишкомъ двадцать лѣтъ на казенной службѣ... Бутафоръ не счелъ нужнымъ, или возможнымъ, протестовать, вѣроятно, думая, что это такъ и должно быть. Дерзость фельдъегера простиралась до того, что, однажды, онъ осмѣлился замахнуться на унтеръ-офицера въ полной формѣ, прибывшаго въ театръ съ командою солдатъ, бывшихъ занятыми въ спектаклѣ, но, къ собственному, своему счастью, во-время спохватился и воздержался отъ своей благородной привычки. Въ закулисномъ мирѣ кулачная расправа была до

того въ ходу, что, при постановкѣ новыхъ пьесъ, когда на репетиціяхъ прилаживались декорации, нерѣдко случалось слышать: какъ машинистъ В—цъ *), находившійся внизу на сценѣ, оставшись недоволенъ какою-нибудь оплошностію «*верховыхъ плотниковъ*», выходилъ изъ себя и, задравъ голову къ верху, кричалъ: «старшій верховой! сойди внизъ — я тебѣ зубы начищу!»! и старшій верховой сходилъ внизъ, гдѣ машинистъ и начищивалъ ему зубы...

И долго такіе приемы практиковались въ закулисномъ мірѣ. Можно сказать, что только съ введеніемъ въ театрѣ газа—за кулисы начало прокрадываться просвѣщеніе, потому что кулачная расправа вывелась, прежде всего, въ средѣ ламповщиковъ, такъ какъ инспекторомъ газоваго освѣщенія былъ сдѣланъ нѣкто С—въ, — молодой, образованный и въ высшей степени деликатный человекъ, который не позволялъ себѣ, не только бить, но даже кричать на своихъ подчиненныхъ. Затѣмъ, какъ смотритель театра, такъ и экзекуторы начали появляться воздержные (т. е. въ отношеніи зуботычинъ) на руку... Что же касается плотниковъ, то они, почти до конца моей службы, продолжали пользоваться чисткою зубовъ на казенный счетъ. Бывало, мерзко, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и смѣшно смотрѣть, какъ маленькая, кривоногая фигурка «театрмейстера» *подпрыгивала*, чтобы достать кулачкомъ до зубовъ каго-нибудь высокорослаго плотника. Нерѣдко Ѳ. А. Бурдинъ спрашивалъ, бывало, этого театрмейстера: «ну, какъ съ насчетъ плотниковъ-съ? Поколачиваєте-съ?» И тотъ, принимая вопросъ въ серьезное, отвѣчалъ, съ видомъ чело-

*) В—цъ недолгое время былъ машинистомъ Александринскаго театра и переведенъ въ Москву.

вѣка, обремененнаго важными обязанностями: «что прикажете съ этимъ народомъ?!»..

А однажды, такъ театрмейстеръ, какъ говорится, *вломался въ амбицію* и хотѣлъ идти (только, разумѣется, не пошелъ) жаловаться директору на актера Семенова, за то, что онъ, видя какъ г. театрмейстеръ *чистилъ зубы* старику-плотнику, сказалъ ему (т. е. плотнику): «зачѣмъ ты позволяешь бить себя?—*тресни самъ его въ розгу!*»!...

Однако я, съ пріятнымъ воспоминаніемъ о кулакахъ, отклонился въ сторону. Возвращаюсь къ хладнокровнымъ режиссеру и его помощнику.

Семень Петровичъ, по окончаніи спектакля, выходитъ на подъѣздъ, гдѣ собрались актеры въ ожиданіи *отправки* по домамъ. Тамъ-же находился и режиссеръ, который и обратился къ Семену Петровичу со словами:

— Эй, почтеннѣйшій, вѣдь вамъ приказано здѣсь остаться!.. Ступайте назадъ, въ уборную!

— «*Куда я полечу въ такую ночь?—Домой, я спать хочу!*», отвѣчалъ Семень Петровичъ.

— Я вамъ говорю серьезно. Отправляйтесь въ уборную, а не то я прикажу зрителю распорядиться.

— Напрасно! «*Кузьма Федотовъ подѣ распоряжкз этотъ не поидетъ*»...

Долго режиссеръ и помощникъ перекидывались словами, причемъ тонъ ихъ оставался совершенно спокоенъ. Семень Петровичъ проговорилъ много фразъ въ стихахъ и прозѣ, соответствующихъ темѣ разговора, а въ заключеніе сказалъ: «*да что пустое говорить, пойдю-ка лучше стричь да бритъ*»; затѣмъ, обратясь къ капельдинеру, добавилъ: «*иди, сажай меня въ карету, вези куда-нибудь*». Съѣлъ и уѣхалъ домой...

Прослужа при театрѣ двадцать лѣтъ, я какъ-то не замѣчалъ этого времени—оно не казалось мнѣ долгимъ. Только теперь, припоминая годъ за годъ, я понялъ, что двадцать лѣтъ—времени очень много. Понялъ-же я это изъ тѣхъ припоминаемыхъ мною переменъ, которыя совершились, въ продолженіи этихъ двадцати лѣтъ, въ нашей драматической труппѣ. Переменъ, несмотря на свою *разительность*, совершались какъ-то незамѣтно, или, по крайней мѣрѣ, не сильно били въ глаза, что самое догадывается, что онѣ совершались не вдругъ, но, такъ сказать, *исподволь*, въ теченіи многихъ лѣтъ.

Время одинаково вліяло, какъ на составъ труппы, такъ и на составъ зрителей, изъ которыхъ также одни умирали, а другіе старились, вмѣстѣ съ актерами, и, часто встрѣчаясь, не замѣчали какъ своей, такъ и ихъ старости... Тѣ же, которые начали посѣщать театръ въ позднѣйшія времена, могли думать, что составъ драматической труппы былъ и всегда такимъ, а потому... и не сильно претендовалъ, помня пословицу, что *«на нѣтъ и суда нѣтъ»*.

Въ продолженіи моей службы, нѣсколько разъ переменялся персоналъ театральной администраціи во всемъ его составѣ. При мнѣ было три директора: Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, графъ Борхъ и Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Такое-жъ число перебивало и начальниковъ репертуарной части, а именно: Александръ Львовичъ Неваховичъ, Евгенийъ Макаровичъ Семеновъ и Павелъ Степановичъ Федоровъ, завѣдующій дѣлами сцены и понынѣ.

При переменѣхъ каждаго изъ администраторовъ, много бывало толковъ между актерами, которые при каждой переменѣхъ все ждали чего-то лучшаго. Какъ не любили они А. М. Гедеонова, хотя и плакали, разставаясь съ нимъ, однако, находили, что отъ его отставки театръ долженъ

выиграть, ибо «Александр Михайловичъ, хотя и очень добрый человекъ, но уже устарѣлъ и не радѣетъ объ искусствѣ и о нуждахъ театра». Не только директоръ, но даже и каждый низшій новый администраторъ подавалъ поводъ къ таковымъ, или тому подобнымъ, толкамъ. Однако-же, на дѣлѣ оказывалось, что всѣ эти толки и ожиданія отнюдь не оправдывались. Если съ переменною лицъ и замѣчалась переменна въ дѣлѣ, то она шла совершенно наперекоръ толкамъ и ожиданіямъ актеровъ. Напримѣръ: А. Л. Неваховичъ, бывши начальникомъ репертуара, вовсе имъ не занимался, предоставляя его въ полное распоряженіе режиссера. Потомъ, когда начальникомъ репертуара сдѣлался Е. М. Семеновъ, то началъ завѣдывать сценою *самъ непосредственно*, режиссеръ-же долженствовалъ лишь *слѣпо исполнять его волю*. И тутъ актеры не преминули потолковать и даже *порадоваться* о томъ, что *самъ* начальникъ входитъ во все... Но въ послѣдствіи оказалось, что отъ такого усердія начальника репертуарной части репертуаръ нисколько не выигралъ. Начальникъ, желая вспомнить свою молодость, началъ возобновлять допотопныя пьесы, какъ напримѣръ: «Мельникъ-колдунъ», «Юсифъ Прекрасный», «Веста, днѣпровская русалка», «Водовозъ» и т. п. Самъ начальникъ съ любовью принималъ горячее участіе въ постановкѣ этихъ пьесъ, но въ постановкѣ не въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать въ театрѣ, т. е. сдѣлать для пьесы новыя декораціи, а для актеровъ костюмы, — нѣтъ, но въ постановкѣ въ томъ смыслѣ, что начальникъ репертуара указывалъ, куда поставить на сценѣ каждую вещь, такъ какъ онъ, обладая отличною памятью, помнилъ, гдѣ стояли вещи, при первыхъ представленіяхъ излюбленныхъ ему пьесъ, поль-вѣка тому назадъ. Этотъ начальникъ пожелалъ, было, во время ре-

петицій, учить актеровъ декламаціи, но, послѣ первой неудачной попытки, долженъ былъ отказаться отъ такого поползновенія. Попытка эта произошла на репетиціи возобновляемой оперы «Іосифъ Прекрасный», въ той сценѣ, гдѣ Іосифъ, при встрѣчѣ съ братьями, хотя и старается оставаться ими неузнаннымъ, но, увлекшись, въ порывѣ родственнаго чувства, невольно произносить: «мой братья». Покойный Павелъ Петровичъ Булаховъ, игравшій «Іосифа», произнесъ эту фразу довольно холодно, что весьма не понравилось начальнику репертуара. Остановя репетицію, онъ подошелъ къ г. Булахову и выяснилъ ему, что эта фраза должна произноситься съ глубочайшимъ чувствомъ; желая-же научить актера таковому произношенію, онъ всталъ на мѣсто Іосифа, порывисто простеръ руки къ братьямъ и произнесъ фразу... Можетъ быть, она была и очень глубоко прочувствована начальникомъ репертуара, но, на бѣду, по природѣ, бывши зайкою, онъ произнесъ фразу такимъ образомъ:

— «Мо...мо...мой бра...бра...братья!..»

Г. Булаховъ, желая въ точности слѣдовать предписанію начальства, скопировалъ фразу безукоризненно. Лице начальника приняло суровое выраженіе.

— Не...не...не надо такъ...го...го...говорите по..по.. по своему, сказалъ онъ г. Булахову.. Скоро актеры начали разочаровываться... Они увидѣли ясно, что хотя бывший полновластный режиссеръ очень небрежно и невнимательно относился къ искусству, но вредилъ ему несравненно менѣе, чѣмъ все усердіе и прилежаніе начальника репертуара, вообразившаго, что театры существуютъ для личнаго его удовольствія, въ силу чего ставилъ пьесы лишь тѣ, которыя ему нравятся, даже самъ воспроизвелъ какую-то длиннѣйшую комедію, которая такъ-же ему

очень правилась, хотя публика и не раздѣляла его мнѣнія.

Такимъ образомъ, театральное дѣло шло все ниже и ниже... Вдругъ, однажды, во время спектакля, за кулисами пронесся слухъ, отъ котораго актеры ожили и опять заговорили. Слухъ былъ о томъ, что на мѣсто начальника репертуара постунаетъ Павелъ Степановичъ Федоровъ, давно извѣстный актерамъ, какъ любитель и знатокъ драматическаго искусства, который перевелъ для театра очень удачно множество пьесъ съ французскаго языка. И такъ, актеры заговорили, или, правильнѣе, закричали:

— Наконецъ-то судьба сжалилась надъ театромъ... Павелъ Степановичъ подниметъ его, облагородитъ. И много, много было высказано, въ тотъ вечеръ, радужныхъ надеждъ и добрыхъ ожиданій; словомъ, актеры ликовали...

Желанный день насталъ, Павелъ Степановичъ вступилъ въ должность и... Но такъ какъ П. С. Федоровъ и до сихъ поръ продолжаетъ управлять театрами, то каждый, посѣщающій ихъ, можетъ оцѣнить самъ, на сколько оправдались ожиданія и надежды актеровъ...

Глава VI.

Перемѣна въ персоналѣ труппы Александрийскаго театра.— Разность въ талантахъ и въ отношеніи къ искусству актеровъ прошедшихъ и настоящихъ.— Самоувереніе новѣйшихъ актеровъ.—Ихъ смѣлое предпріятіе: ошастливить Европу своими представленіями, къ счастью ихъ не осуществившіяся. Единственный изъ русскихъ актеровъ, игравшій на заграничныхъ сценахъ—Василій Андреевичъ Каратыгинъ.—Артисты, хвастающіеся тѣмъ, что ничего не читаютъ.—Взаимное сочувствіе актеровъ другъ къ другу и къ театральнымъ рецензентамъ.—*Бокомытіе*.—Одна изъ сценъ, ежедневно разыгрываемыхъ актерами въ уборной.—Уродъ въ семьѣ актеровъ—Л—дъ Л—чъ Л—въ.—Его благородная, человѣческая гордость.—Гордость, практикуемая прочими актерами.—Закулисный вольнодумецъ.—Объясненіе актера-господина съ рецензентомъ-холопомъ.—Плевки на сапогъ и въ лице.—Стерляжъ я уха, шампанское и просьба о пощадѣ.—Драка актера съ рецензентомъ въ театральномъ коридорѣ.—Правило Л—да Л—ча Л—ва вступаться за отсутствующихъ.—Марья Ивановна Валберхова.—Театральныя *барыни, бары* и ихъ выходки.—„*Мальчишка-дуракъ*“ и „*старая дура*“.—Изгнаніе рождественниковъ актеровъ изъ закулисы.

Како мѣнялись администраторы, точно такъ-же, на моихъ глазахъ, перемѣнился и весь персоналъ драматической труппы. Тѣхъ, кого я засталъ стоящими во главѣ ея, къ концу моей службы, никого уже не осталось. Не входя въ подробный разборъ талантовъ позднѣйшихъ дѣятелей, можно сказать одно, что они, смѣняя прежнихъ актеровъ, отнюдь не замѣняли ихъ. Кроми разности въ талантахъ, поразительна такъ-же разность и отношенія къ искусству позднѣйшихъ сценическихъ дѣятелей отъ ихъ предшественниковъ. Прежніе актеры, доказывавшіе свою

любовь къ искусству дѣломъ, вовсе не имѣли привычки кричать объ этой любви, какъ вошло то въ моду у ихъ преемниковъ. Но за то, никто изъ *прежнихъ*, никогда не хвастался и тѣмъ, что игралъ какую-нибудь роль почти не читая, чѣмъ нерѣдко хвастались нѣкоторые изъ послѣдующихъ, отъ которыхъ, на вопросъ товарища (разумеется, внѣ присутствія режиссера): «тверда-ли роль?» слышался многозначительный отвѣтъ: «а суфлеръ то на что?!» Передъ выходомъ-же на сцену, во время спектакля, позднѣйшіе актеры вовсе не стыдились спрашивать у помощника режиссера, правящаго пьесой: *а что я говорю?*... И подобное-то отношеніе къ искусству нѣкоторыми его представителями считалось даже *молодечествомъ*. Однако-жь, несмотря на это, позднѣйшіе актеры далеко превзошли прежнихъ *въ самомильи*. Такъ, напримѣръ, однажды, чуть-чуть не сформировалась цѣлая труппа актеровъ для *путешествія по Европѣ*, съ цѣлью давать представленія *русскихъ драмъ и комедій*. Во главѣ этой труппы стоялъ, или думалъ стоять, г. **Бурдинъ**... но, къ своему *счастью*, смѣлые артисты почему-то не осуществили этого предположенія. Говорю: *къ счастью*, потому что впоследствии такая дикая фантазія осуществилась: границу путешествовала какая-то русская труппа, подъ командою провинціальной знаменитости—г. Милославскаго, и этой злосчастной труппѣ, едва не пришлось буквально *путешествовать*, т. е. возвратиться изъ артистическаго вояжа *плшкоомъ*, чего не случилось вслѣдствіе великодушія и состраданія иностранныхъ артистовъ, давшихъ представленіе въ пользу злосчастныхъ странниковъ...

Изъ всѣхъ русскихъ актеровъ на заграничныхъ сценахъ игралъ одинъ только Василій Андреевичъ Каратыгинъ... Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, считавшійся

въ Петербургъ уже первымъ актеромъ, въ бытность свою въ Берлинѣ, въ «обществѣ литераторовъ и актеровъ» (въ которое былъ введенъ своимъ другомъ, тамошнимъ известнымъ актеромъ и профессоромъ русскаго языка — Шнейдеромъ), неоднократно читалъ сцены изъ русскихъ драмъ и комедій, удостоиваясь восторженныхъ одобреній присутствующихъ. Но когда ему было предложено Шнейдеромъ прочесть что-нибудь на сценѣ, то Алексѣй Михайловичъ (по собственному его сознанию) рѣшиться на это *побоялся...*

И еще другого рода разница припоминается между прежними актерами и ихъ послѣдователями, а именно: первые *не пренебрегали печатными отзывами* объ исполняемыхъ ими роляхъ. Само собою разумѣется, что рецензіи неодобрительныя не могли быть имъ пріятны; но, между прочимъ, въ такихъ случаяхъ прежніе *умѣли владѣть собою*; они *не разсыпались бранью* на рецензентовъ и ужъ отнюдь не хвастались тѣмъ, что они *никогда ничего не читаютъ, что пишется о театрѣ*. Такъ поступали первые, но вторые, т. е. актеры позднѣйшіе, всѣ поголовно увѣряли (хотя, конечно, другъ другу не вѣрили), что *«рецензи не только ими, актерами, но и никѣмъ изъ порядочныхъ людей не читаются, такъ какъ онѣ пишутся съ единственною цѣлью — ругать изъ, артистовъ, изъ зависти!»*.. Каждый актеръ, на вопросъ: «читали-ли вы такую-то рецензію?» непременно отвѣчалъ, стараясь придать голосу тонъ не только пренебреженія, но даже презрѣнія: *«Я этой дряни никогда не читаю. Стоитъ-ли?»* Такъ отвѣчали тѣ, которые часто подвергались порицаціямъ рецензентовъ, но даже и одобряемые въ рецензіяхъ никогда не сознавались въ томъ, что читаютъ ихъ и даже, если кто-нибудь, бывало, передастъ

которому изъ актеровъ, что его въ такой-то газетѣ похвалили, то и тогда актеръ небрежно отнесется къ тому сообщенію и не преминетъ отпустить слѣдующую или ей подобную фразу: *«Пускай изъ восхищаются... мнѣ все равно, я никогда не читаю»*, причемъ напрягаетъ всё свои сценическія способности, чтобы лице его оставалось равнодушнымъ и какъ нибудь, грѣхомъ, не выразило радости...

Тутъ, кстати, нужно замѣтить, что пріятныя извѣстія сообщались актеру лишь кѣмъ нибудь изъ его постороннихъ знакомыхъ, но отнюдь не сослуживцами; сослуживцы-же сообщали извѣстія только непріятныя. *Обруженный* въ рецензіи придетъ, бывало, въ театръ мрачный, что называется, «съ кошкою на сердцѣ» (значить, рецензія имъ уже прочитана). Тутъ сейчасъ-же подходитъ къ нему кто нибудь изъ его *друзей* съ соболѣзнованіемъ: «читалъ ты такую-то газету?» спрашиваетъ и достаетъ ее изъ кармана (смотришь, газета пошла по рукамъ всѣхъ актеровъ, чего только и желалъ *собользнующій другъ*).

— Нѣтъ! отрывисто отвѣчаетъ спрашиваемый; затѣмъ прибавить: ну, ихъ къ черту!.. Стоитъ читать всякую дрянь!.. Да мнѣ-же еще и не здоровится (извѣстіе о нездоровьи приводится съ цѣлью оправдать свое мрачное настроеніе).

Другъ не унимается.

— Скажи, пожалуйста, говорить онъ *искреннимъ, задумчивымъ* тономъ, за что тебя ненавидитъ (имярекъ рецензента), что ты съ нимъ ссорился, что - ли, когда нибудь?

— Я его никогда и въ глаза не видалъ... Стану я знакомиться со всякой шушерой!

— Просто, непонятное озлобленіе... зависть, что-ли,

это? продолжаетъ соболѣзнуюющій. А затѣмъ въ утѣшеніе добавитъ: разумѣется, кто-же на эту брань обращаетъ вниманіе?!.. Пусть ихъ лаютъ!..

Облаивный, скрѣпя сердце, слушаетъ рѣчи участія и... наматавъ ихъ на усъ, ждетъ очереди отплатить *другу* тою-же монетою, т. е. *сердечнымъ участіемъ*, когда придетъ его время...

Но *товарищество* и *дружба* артистовъ не ограничивались лишь подобнымъ *участіемъ*; между ними было также въ большомъ ходу еще и такъ называемое по просторѣчію «*бокомытіе*». Въ продолженіи двадцати лѣтъ, мнѣ *не разу* не довелось слышать *ни одного добраго слова, сказаннаго о комъ-нибудь заочно*. Для примѣра приведу сценку, въ родѣ той, какія ежедневно происходили въ уборной, гдѣ собирались актеры курить во время репетицій.

Въ уборной сидятъ артисты А., Б., В. и проч., курятъ и ведутъ *дружескую бесѣду*—разсуждаютъ о новой, вчера сыгранной, пьесѣ.

А. (обращается къ Б.). Ты, вчера, былъ въ *ударъ*, молодцомъ!.. Вся роль прошла удивительно гладко, а въ особенности сцена съ матерью... Просто морозъ по кожѣ!..

Б. Ты тоже былъ великолѣпенъ!.. Но, знаешь, я вчера за тебя злился на публику,—ни одного аплодисмента?..

А. (*проглотивъ пилюлю*). Съ нашей публикой ничего не подѣлаешь!.. (*помолчавъ немногу*). У тебя, во второмъ актѣ, такая превосходная сцена, что плакать надо, а публика смѣется.

Б. (*въ свою очередь, глотаетъ пилюлю*). Стоитъ обращать вниманіе на пьяный раекъ!.. (*Помолчавъ*). Знаешь, что? у тебя вотъ такая-то сцена вышла какъ-то не со-

всѣмъ ловко... Мнѣ кажется, ее слѣдовало-бы вести вотъ такъ-то...-

А. (*немножко хмурится*). Нѣтъ, напротивъ, такъ было-бы гораздо хуже... Въ уборную входитъ артистъ Г. и говорить, обращаясь къ Б.:

— Что-жъ ты сидишь? Вѣдь тебѣ *выходить*.

Б. *поспѣшно уходитъ изъ уборной*.

А. (*обращаясь къ новопришедшему Г.*). Эхъ, если-бъ вчера за Б играли вы, чтобы это вышло! Какая роль-то отличная, а онъ ее изгадилъ такъ, что ни къ чоргу негодится!...

Г. (*небрежно*). Пусть его тѣшится!... мнѣ и свои роли надоѣли... А, правда, гадко игралъ?...

А. Еще-бы... Вѣдь онъ не совсѣмъ еще очнулся... даже и наканунѣ спектакля пьянъ былъ...

Г. (*съ презрѣніемъ*). Это наши первые артисты!... (*Помолчавъ*). Вы, вчера, были очень типичны... Только роль-то ваша очень неблагоприятна — изъ нея трудно сдѣлать что-нибудь особенное...

А., по зову помощника режиссера, выходитъ изъ уборной, и только что онъ вышелъ, какъ Г., безъ всякой паузы, обращается къ находящимся въ уборной: А., вчера, былъ до того отвратителенъ, что просто смотрѣть совѣстно!.. Какъ онъ *те размазался*, какъ ни ломался, а все вышло *швахъ*!... Тогда какъ изъ этой роли можно-бы сдѣлать чудеса!...

В. Да, я воображаю, что бы вышло, если-бъ она вамъ попала... (Г. зовутъ на сцену, онъ уходитъ, а В. продолжаетъ, какъ говорится, «за тотъ-же духъ»): Да, я воображаю, что-бы ты изъ нея сдѣлалъ? Нафиглярилъ-бы почище А....

Впрочемъ, вѣроятно, къ силу пословицы: «въ семьѣ не безъ урода», въ драматической труппѣ было единственное

лицо, никогда не принимавшее участія въ подобныхъ, только что приведенной; сценахъ. Это Л. Л. Л., который, очевидно, гнушался «*бокомытій*», и если таковыя происходили въ его присутвіи, то онъ—или, не обращая на нихъ никакого вниманія, читалъ роль, или-же курилъ папироску, закинувъ, по обыкновеію, голову назадъ, и съ улыбкою поглядывалъ на «*бокомойцевъ*» (признаюсь, я-бы не желалъ, чтобы на меня съ такою улыбкою смотрѣлъ когда-нибудь кто-либо изъ честныхъ людей).

Однажды мнѣ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующаго: на Маринскомъ театрѣ, во время какой-то новой пьесы, въ которой участвовала вся труппа, актеры, въ числѣ семи или восьми человекъ, сойдясь въ уборной, прусердно *мыли бока* одному изъ отсутствующихъ сослуживцевъ П. А. К. (человѣку почтенныхъ лѣтъ и заслуженному артисту). Не могу вспомнить, чѣмъ именно заслужилъ онъ негодованіе своихъ благородныхъ товарищей, но негодованіе было очень сильно, судя по тѣмъ эпитетамъ, какими награждали отсутствующаго. Казалось, что на завтра-же всѣ артисты подадутъ въ отставку, такъ какъ они, на перебой одинъ передъ другимъ, заявили, что съ подобнымъ... служить нельзя. Во время этой бурной сцены, въ дверяхъ уборной, наваясь спиной на косякъ, стоялъ Л. Л. Л. Онъ молча курилъ папироску и переводилъ глаза съ одного артиста на другаго, но мѣрѣ того, который изъ нихъ высказывалъ свое неудовольствіе. На этотъ разъ на Л. Л. Л. не замѣчалась присущая ему улыбка. Лице его было серьезно; казалось, что онъ сочувствовалъ негодующимъ, возмущаясь дѣяніями, какія приписывались П. А. К., о которыхъ онъ прежде не зналъ, а теперь они всѣ ему выяснились... Вдругъ въ уборную входитъ виновникъ негодованія и... присутствующіе всѣ разомъ

умолкли... Прошло нѣсколько минутъ, и тѣ, которые только что, безъ всякой пощады, понесли П. А., начали одинъ за другимъ обращаться къ нему съ различными вопросами, произносимыми не только ласковымъ, но заискивающимъ тономъ... Лице Л. Л. вытянулось отъ удивленія, и онъ во всё глаза смотрѣлъ на присутствующихъ.. Когда-же П. А., пробывши нѣсколько минутъ въ уборной, вышелъ изъ нея, тогда Л. Л. обратился къ оставшимся съ вопросомъ:

— Что-же это, господа, отчего-же вы не высказали ему ваше неудовольствіе?

Артисты, что называется, *засеменили*; послышались возгласы: «вотъ охота связываться!»... «Стоить-ли разговаривать!»... «Пусть его дурачится!»...

— Нѣтъ, господа, такъ нельзя! воскликнулъ Л. Л. серьезно. Если вы обвиняете человѣка къ подобныхъ подлостяхъ, такъ должны высказать ему прямо въ глаза... Если-же вы этого *не смѣете* сдѣлать, *боитесь*, стало быть, вы не убѣждены въ томъ, въ чемъ его обвиняете, а, въ такомъ случаѣ, не слѣдуетъ и заочно такъ чернить и марать человѣка... Это значить унижать не его, а себя...

Видно было, что Л. Л. сильно возмущился только что сыгранною артистами сценкою. Но, однако, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и, смѣясь, проговорилъ:

— Вы, казалось, такъ были на него озлоблены, что, когда онъ вошелъ, я испугался за него: думалъ, что вы броситесь и растерзаете его на части; однако-жъ, къ счастью, до этого не дошло...

Л. Л. вышелъ изъ уборной, а оставшіеся нашли кое-что сказать и *въ его пользу*.

Л. Л. сильно выдавался изъ всего театральнаго міра своими правилами. Смѣло можно сказать, что всякій, кто

знаетъ его со школьной скамьи и до сихъ поръ, кто прослѣдилъ всю его жизнь, не скажетъ о немъ ничего дурнаго, если только будетъ говорить по совѣсти. Я. Я. былъ очень гордъ, но его гордость заслуживала наибольшаго уваженія, такъ какъ она была совсѣмъ не та, какая при- видалась за кулисами и которая присуща: чиновнику, вы- сидѣвшемуся изъ кантонистовъ, лакею, разбогатѣвшему по барскому завѣщанію, или солдатской дочери, кончив- шей курсъ въ модномъ магазинѣ и вышедшей замужъ за *барина*, рассчитывающаго на ея харчи; такая гордость обыкновенно проявляется невѣжествомъ, наглостью и на- хальствомъ, въ отношеніи людей скромныхъ, избѣгаю- щихъ скандаловъ, и приниженною угодливостью передъ начальствомъ. Въ доказательство, что это не голословіе, что такая гордость дѣйствительно практиковалась за ку- лисами, я долженъ привести нѣсколько примѣровъ. При- мѣръ первый: Однажды два актера, Я — нъ и Б — нъ, счи- тающіе себя *первыми*, разговаривали о чемъ-то, ходя по- зади сцены; *выходной* актеръ С. (получившій весьма по- рядочное образованіе, такъ какъ поступилъ *съ воли*, а не изъ театральнаго училища), имѣлъ неосторожность вмѣ- шаться въ ихъ разговоръ, такъ какъ онъ шелъ о пред- метѣ, ему знакомомъ. Я — нъ сталъ-было отвѣчать на вопросъ С., какъ вдругъ анти-первачъ, т. е. Б — нъ, скри- вивъ фізіономію и стараясь придать ей презрительное вы- раженіе, сказалъ своему собрату и сказалъ такъ, что *вы- ходной* слышалъ это: «*съ кѣмъ-же ты разговариваешь?... что тебѣ за охота?*» Кто-же способенъ на такое наглое и глупѣйшее невѣжество, кромѣ кантониста-чиновника, или лакея, получившаго наслѣдство?.. Но такъ какъ *вы- ходной* С. былъ очень скромнень и деликатень, то подоб- ная выходка анти-первача прошла для него безслѣдно; но, од-

нако, ему не всегда это такъ дешево обходилось. Въ закулильномъ мірѣ появилось нѣчто небывалое: изъ училища былъ выпущень, въ драматическую труппу «на роли по способностямъ», нѣкій волюнодумецъ, А. А. С—въ, который, однажды, во время спектакля, въ уборной, въ присутствіи многихъ *первыхъ* артистовъ, осмѣлился одному высказать прямо въ глаза, что онъ вовсе не имѣетъ права считать себя *первымъ*; чему въ доказательство привелъ слѣдующее: «рецензіи газетъ не признаютъ васъ *первымъ*; публика относится къ вамъ холодно, стало быть, не признаетъ васъ *первымъ*; наконецъ, даже и дирекція, по невѣдомымъ причинамъ давшая вамъ *первый* окладъ, не даетъ *первымъ* ролей, что доказываетъ, что и она не признаетъ васъ *первымъ*».

Сильно возмутились *первые* артисты такою дерзостью *маленькаго* актера... Но, что стало съ ними, когда открылось, что онъ, тотъ-же *маленькій*, пишетъ въ одной изъ газетъ театральныя рецензіи, въ которыхъ публично проводитъ тѣ-же идеи о *первыхъ* артистахъ. Какъ теперь помню то «бурное утро», на репетиціи въ Александринскомъ театрѣ, когда это извѣстіе облетѣло всю труппу. Много лицъ вытянулось; многія уста кричали, что «дирекція этого *не должна терпѣть*»: что ея обязанность *выинать* рецензента. Что-же касается анти-первача, Б—на, о *гордости* котораго я началъ говорить, то онъ, вставъ посреди уборной, въ изысканную и излюбленную имъ позу, т. е. разставя ноги, заложивъ большія пальцы рукъ въ проймы жилета и закинувъ лысую головку набокъ, проговорилъ охрипшимъ отъ злости голосомъ (причемъ лице его какъ-то страшно и, съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣшно перекосилось):

— Это всегда такъ бываетъ, когда *холовъ* попадетъ между *господами*!..

Услыша это, я подумалъ: назвать рецензента *холо-*

помъ, онъ, пожалуй, можетъ, потому что когда у человека гнѣвъ затмѣваетъ разумъ, тогда языкъ дѣйствуетъ самопроизвольно; но неужели-анти-первачъ простъ до того, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя *господиномъ*!!...

Этимъ дѣло не окончилось. Когда, во время спектакля, *холопа*-рецензентъ явился въ театръ, къ нему подошелъ актеръ-*господинъ*, и вставъ передъ нимъ въ ту-же позу— съ пальцами въ проймахъ и съ тѣмъ-же *кривымъ* выраженіемъ лица, показавъ газету, спросилъ его:

— Вы писали эту рецензію?

— Я, отвѣчалъ спрошенный, стоя съ заложенными за спину руками.

— А знаете, что за такія рецензіи бьютъ по рождѣ?

— Не знаю, бьютъ-ли за рецензіи, но знаю, что кто захочетъ ударить меня— тотъ не успѣетъ, потому что прежде чѣмъ вздумаетъ замахнуться, онъ получитъ нѣсколько пощечинъ.

Постояли, постояли, молча разсматривая другъ друга. Наконецъ, актеръ-*господинъ* не выдержалъ и плюнулъ прямо на сапоги *холопа*-рецензента; тогда, въ свою очередь, и *холопа*-рецензентъ, также плюнулъ... прямо въ лице актера-*господина*, а затѣмъ разошлись...

Прошло много лѣтъ, въ продолженіи которыхъ *анти*-господинъ пылалъ негодованіемъ на *холопа*-рецензента, всячески понося и ругая его *за глаза*, а, между тѣмъ, дѣйствовалъ и слѣдующимъ образомъ: черезъ одного изъ своихъ пріятелей заманить, бывало, рецензента въ какой-нибудь «Малый Ярославецъ», да тамъ и угостить его ухомъ изъ живыхъ стерлядей, да въ концѣ обѣда, за шампанскимъ, *нечаянно и проговорится*, что хозяинъ обѣда— онъ самъ, а вовсе не тотъ, кто пригласилъ рецензента. Наконецъ, видя, что ни уха, ни шампанское не производятъ

дѣйствія, онъ высказался передъ *холопомъ*-рецензентомъ такъ: «*Пощадите меня, если не ради спдинъ, то ради дѣтей моихъ; мнѣ стыдно смотреть имъ въ глаза*»...

И такъ, вотъ на что бывали способны иные закулисные гордецы!..

Быть можетъ, читателю покажется невѣроятнымъ вышеприведенное объясненіе актера съ рецензентомъ, однако-жь, оно было дѣйствительно. Таковому объясненію дивиться нечего, такъ какъ оно произошло за кулисами, *негласно: семейнымъ образомъ*. Между тѣмъ, бывали примѣры и *публичныхъ* объясненій такого рода: однажды актеръ съ рецензентомъ *подрались* въ корридорѣ Александринскаго театра, во время спектакля. Поводъ къ этому былъ поданъ актеромъ, обидѣвшимся на рецензію. Впрочемъ, артистъ этотъ поступилъ опрометчиво всего одинъ разъ, во время юности, но, войдя въ лѣта, онъ совершенно измѣнился и сдѣлался вѣжливъ и деликатенъ до крайности съ рецензентами всѣхъ, безъ исключенія, газетъ...

Снова обращаюсь къ Л. Л. Его гордость была совершенно противоположна только что описанной. Онъ былъ одинаково неспособенъ какъ *плевать* на рецензентовъ, такъ и *просить* у нихъ *пощады*. Его гордость не позволяла ему ни унижаться, ни унижать или оскорблять кого-бы то ни было. Онъ не считалъ униженіемъ для себя уважать всякую личность, достойную уваженія, за что и самъ пользовался отъ всѣхъ вполне заслуженными уваженіемъ и любовью. Онъ всегда, со всѣми безъ различія, бывалъ вѣжливъ, любезенъ и привѣтливъ. По службѣ всегда шелъ, какъ говорится—грудью, презирая и гнушаясь всякихъ заискиваній. Онъ во всю свою жизнь не только не сказалъ ни о комъ заочно дурнаго слова, но держался еще и такого правила: если, бывало, кому-нибудь изъ отсутствующи-

щихъ *моютъ бока* и при этомъ относятся прямо къ Л. Л., тогда онъ, непременно, начиналъ опровергать взводимое на осуждаемаго, всячески стараясь, если не вовсе уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, умалить его вину. Онъ не терпѣлъ даже, когда и подъ видомъ *шуточки* (что сильно практиковалось въ театрѣ) чернили человѣка. Такъ, напримѣръ, однажды покойный П. И. Григорьевъ, который, не тѣмъ будь помянуть, хотя и считался человѣкомъ не злымъ, но язычкомъ никого ни щадилъ, такъ, ради шутки, рассказывалъ Л. Л.—чу слѣдующее:

— До чего наша молодежь-то пристрастилась къ *выпивкѣ*. Вчера на репетиціи В—въ (молодой актеръ) присталъ ко мнѣ: «попотчуйте водкой». Я, чтобы отвязаться, говорю: «изволь, только съ тѣмъ уговоромъ, что ты обрѣжешь у себя одинъ усъ и пойдешь съ репетиціи домой—пѣшкомъ». Что жъ ты думаешь? Вѣдь обрѣзалъ, да такъ и пошелъ съ однимъ усомъ.. Экъ имъ винище-то дорого!... заключилъ смѣясь Петръ Ивановичъ.

— Ну, Петръ Ивановичъ!.. зачѣмъ смотрѣть на это съ такой невыгодной точки? возразилъ Л. Л., хотя и смѣясь, однако, въ тонѣ его слышалось нѣчто въ родѣ упрека. Это, продолжалъ онъ, ничто иное, какъ дурачество, такъ, желаніе посмѣшить и посмѣяться, точно вы не знаете нашу молодежь?... В—въ всегда можетъ выпить рюмку водки на свой счетъ, не платя за нее усамъ... А, между прочимъ, если-бъ васъ услыхалъ кто-нибудь посторонній, то могъ-бы вывести весьма невыгодное заключеніе о нашей молодежи.

На самомъ-же дѣлѣ, исторія, о которой рассказывалъ Петръ Ивановичъ Л. Л.—чу, вышла слѣдующимъ образомъ: на репетиціи режиссеръ предупредилъ В—ва, чтобы къ вечеру онъ не забылъ сбрить усы (такъ какъ ему при-

ходилось играть въ пудренномъ парикѣ, при которомъ *усы не полагаются*). Петръ Ивановичъ не слыхалъ о такомъ распоряженіи режиссера; когда-же В—въ началъ приста- вать къ нему, чтобы полотчивалъ его водкою (къ Петру Ивановичу молодежь часто приставала съ подобными требо- ваніями, желая подтрунить надъ его скупостью), то Петръ Ивановичъ, чтобы отвязаться, и сдѣлалъ ему предложе- ніе обрѣзать усы. В—въ согласился, а, обрѣзавъ усы и выпивъ водку, объявилъ Петру Ивановичу, что ему усы сорить въ тотъ день было необходимо (что подтвердилъ и бывшій при этомъ режиссеръ), слѣдовательно, водка его пропала даромъ; вслѣдствіе чего, всѣ, бывшіе въ уборной, стали трунить и подсмѣиваться надъ нимъ-же, Петромъ Ивановичемъ.

Стало быть, Л. Л. былъ правъ, не придавая такому дурачеству ничего серьезнаго.

Какъ въ средѣ мужчинъ выдавался Л. Л. Л., такъ меж- ду актрисами покойная Марія Ивановна Валберхова вы- дѣлялась своею истинно *барскою* деликатностью и вѣжли- востью со всѣми безъ исключенія, не соображаясь, кто какія играетъ роли и какое получаетъ жалованье*). Что- же касается до прочаго первосюжетнаго женскаго персо- нала, то въ немъ находились особы, которыя, желая казаться барынями и внушить къ себѣ уваженіе, или страхъ, что-ли, стоящимъ ниже ихъ по службѣ (т. е. меньше по- лучающимъ), иногда позволяли себѣ, въ отношеніи этихъ

*) Марья Ивановна замѣчательна еще тѣмъ, что изъ любви къ своимъ роднымъ, или правильнѣе: родственникамъ и изъ желанія быть имъ полезною отказалась отъ замужества и всю свою жизнь провела въ кругу многочисленныхъ племянницъ и племянниковъ, жившихъ въ ея домѣ и пользовавшихся ея истин- но материнскою заботливостію.

низшихъ, выходки, несовѣтъ приличныя, или, вѣрнѣе, совѣтъ неприличныя барынь, а развѣ особѣ, окончившей курсъ въ модномъ магазинѣ. Театральныя, какъ мужчины, такъ и дамы, при всемъ ихъ страстномъ желаніи если не быть, то, по крайней мѣрѣ, казаться *господами* (господами *по роду*, т. е. *барями*), никакъ не могли взять въ толкъ, что настоящій *баринъ* никогда не дозволитъ себѣ невѣжливость или неуваженіе къ чьей-бы то ни было личности, единственно изъ уваженія къ своей собственной, просто на просто изъ боязни, чтобы своею невѣжливостью не вызвать таковую же въ отношеніи самого себя. Тѣмъ болѣе женщина (желающая казаться барыней, а не газейщицей, или торговкой) должна быть очень осторожна, потому что для каждаго мужчины невѣжливость и грубость женщины на сколько *омерзительны*, на столько-же *неудобосносимы*. Всякій порядочный мужчина, безспорно, уважаетъ женщину; но, все-таки, не безусловно, а лишь умѣющую внушить къ себѣ уваженіе, а внушается оно отнюдь не невѣжливостью и грубостью, которыя всякій мужчина легче сноситъ отъ мужчины-же, нежели отъ женщины. Конечно, есть *философы*, которыхъ женщина ничѣмъ не можетъ оскорбить... Но, однако, и въ этомъ для женщинъ утѣшеніе небольшое, такъ какъ эта снисходительность происходитъ единственно отъ того, что *философы* приняли къ руководству старинную русскую поговорку: «*попамъ, дуракамъ и женщинамъ все прощается*». Въ театральномъ мірѣ *барство* понималось по своему, чему приведу нѣсколько примѣровъ. Однажды *маленькій* актеръ, квартировавшій у «Пяти угловъ», былъ занятъ на Маринскомъ театрѣ. Когда, вечеромъ, за нимъ пріѣхала карета, и онъ хотѣлъ сѣсть въ нее, то мѣста ему не оказалось, по той причинѣ, что жившая въ тѣхъ-же краяхъ первосюжетная *барыня*

В. В. С., занявъ въ каретѣ свое мѣсто собственною особою, посадила еще и свою знакомую. Дѣло было глубокою осенью, шелъ порядочный дождь. Актеръ за темнотою, не видя, что карета набита уже вполнѣ, полезъ было въ нее; тогда первая артистка повелительно произнесла: «ваше мѣсто занято; поѣзжайте на извозникѣ...» По прибытіи же въ театръ, «первосюжетная» присылаетъ, съ своею горничною, актеру двугривенный. Актеръ попросилъ горничную заявить ей *барыню*, что онъ на чай ни отъ кого не беретъ.

— Это вамъ за извозника, сообщила горничная.

— Потрудитесь доложить вашей *барыню*, что я ѣзжу только на собственный счетъ, а такъ какъ сегодня денегъ у меня не было, то я и пришелъ въ театръ пѣшкомъ.

Можно смѣло сказать, что барыня *«театральная»*, и при такомъ пустомъ обстоятельстве, съумѣла-бы повести себя какъ нибудь поделикатнѣе, безъ предложенія денегъ...

Впрочемъ, это только цвѣточки съ родословныхъ деревьевъ, произрастающихъ на закулисной трясинѣ, но иногда случалось вкушать съ нихъ самимъ-же барынямъ и плоды не совсѣмъ сладкіе.

Какъ-то разъ въ Красномъ Селѣ первоклассная актриса П. И. О. изволила кататься въ лодкѣ по озеру. Лодкою управлялъ Викторъ Васильевичъ Прусаковъ. Когда стали причаливать къ берегу, на которомъ собралось много офицеровъ, и когда Викторъ Васильевичъ долго не могъ сладить съ лодкою, г-жа О—ва сказала ему: «Ну, какой неловкій! Просунь годову подъ веревку»...

Въ словахъ, сказанныхъ г-жею О—й, не было-бы ничего невѣжественнаго и оскорбительнаго: многія актрисы говорили мужчинамъ *ты*, такъ, ради ласки и товарищества. Но г-же О—ва, до тѣхъ поръ, никогда не удостои-

вала Прусакова такой милостиво-снисходительной короткости, да кроме того, говорится: «топъ дѣлаетъ музыку», а топъ г-жи О — ой вышелъ очень *грубъ* и, какъ видно, весьма не понравился Виктору Васильевичу, потому что, на совѣтъ—«просунуть подь веревку голову», онъ задалъ г-жѣ О — ой такой вопросъ, котораго... не напечатаетъ ни одна типографія за неимѣніемъ шрифта для его набора...

Третій случай, доказывающій барско-дамскую вѣжливость, былъ за кулисами Александринскаго театра. Мать молодой актрисы К., постоянно присутствовавшая за кулисами, когда дочь бывала занята, начала разыгрывать изъ себя театральнаго администратора, т. е. *отдавала приказанія* помощникамъ режиссера, что приготовить для ея дочери, при чемъ принимала топъ, ужъ черзчуръ не прилично барскій. Однажды, помощникъ режиссера Н — въ, бывший тогда еще очень молодымъ человекомъ, замѣтилъ *барыню*:

— Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, что нужно для вашей дочери—все будетъ. Для этого ишутся монтировни...

Барыня, не могла снести такой дерзости, въ порывѣ негодованія вскричала:

— Не разсуждать! Дѣлай, что приказываютъ, мальчишка, дуракъ!

— Старая дура! отвѣтилъ хладнокровно Н — въ и отъвернулся отъ разгнѣванной барыни.

Режиссеромъ былъ тогда Евгеній Ивановичъ Вороновъ, который, въ топъ вечеръ, чувствовалъ себя здоровымъ, почему и находился въ отличнѣйшемъ, т. е. невозмутимо-спокойномъ, настроеніи духа. Заложа руки за спину и закинувъ голову назадъ, онъ прохаживался позади сце-

ны, сцены, что всегда служило признакомъ хорошаго состоянія его духа. Вдругъ, съ блѣднымъ, искаженнымъ злостью лицомъ, подбѣгаетъ къ нему *барыня* и кричить, едва переводя духъ:

— До чего вы распустили вашихъ помощниковъ! Одинъ изъ нихъ осмѣлился назвать меня старой душой...

— Это который? спросилъ режиссеръ совершенно спокойно.

— Н—въ, отвѣчала *барыня* и затѣмъ прибавила строго и повелительно: Извольте примѣрно наказать его, а не то я буду жаловаться самому директору.

— По какому-жъ поводу онъ сказалъ вамъ такую дерзость?

— Я назвала его мальчишкой, дуракомъ...

— Ну, вотъ, видите, *матушка!*.. протяжно, но совершенно хладнокровно, проговорилъ режиссеръ и тотчасъ же отправился *наверхъ* въ канцелярію писать рапортъ о происшествіи. Вслѣдствіе этого рапорта, на другой-же день, на дверяхъ, при входѣ на сцену, было вывѣшено предписаніе директора, воспрещающее входъ за кулисы всѣмъ постороннимъ лицамъ, не исключая и родственниковъ артистовъ. Съ той поры строгая *барыня*, на радость помощниковъ режиссера, перестала сопровождать свою дочь въ спектакли и на репетиціи...

Да, какъ припомнишь двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ закулисномъ мірѣ, то много-много вспомнится различныхъ довольно *дикихъ* выходокъ со стороны разныхъ *баръ* и *барынь*... Такъ что не встрѣчайся, въ томъ-же мірѣ, личности, подобныя Л. Л. Л—ву и М. П. Валберховой, то всякій юноша, или дѣвица, попавшіе въ эту среду прямо со школьной скамьи, могли-бы получить совершенно ложное и невыгодное понятіе о родѣ человѣческомъ и объ общественныхъ взаимныхъ отношеніяхъ...

Глава VII.

Способъ *покупки* первыхъ ролей у авторовъ.— Щедрость дирекціи.— Несоразмѣрность окладовъ съ талантами.— Бенефисы и разовые новѣйшихъ временъ и прошедшихъ.— Щедро раздаваемые первые оклады рядомъ съ „*четырнадцатью*“ рублями въ мѣсяць.— Своекоштный пансіонеръ театральнаго училища по окончаніи курса, поступившій ученикомъ къ переплетчику.— Безвыходная нужда мелкихъ актеровъ.— Дѣлежъ скуднаго жалованья пополамъ съ портнымъ.— Трактирная жизнь, съ цѣлью покормиться, доводящая до пьянства.— Предпримчивость, возбуждаемая голодомъ.— Буфетъ, лотерея, журналъ, коммиссіонерство при торговой конторѣ, объясненіе „видовъ Миссисипи“ на французско-финско-русскомъ языкѣ, исцѣленіе зубной боли и „извѣстный всему образованному міру профессоръ бѣлой магіи“.— Содержаніе воспитанниковъ театральнаго училища.— Положеніе актрисы съ „*четырнадцати рублевымъ*“ жалованьемъ.— Покушеніе на самоубійство актрисы и два случая сюзамашествія актеровъ.— Молитва одного изъ нихъ передъ своею кончиною.— *Нелѣпность „четырнадцати рублевого“* оклада.— Обязанность театральнаго училища уничтожить таковой окладъ.— Какимъ образомъ оно должно этого достигнуть.— Обязанность, должествующая-бы лежать на закулисной администраціи въ отношеніи актеровъ.— Гибель многихъ талантовъ, благодаря закулисной администраціи.

Допустимъ, что актеры-первачи (не тѣ, которыхъ я засталъ въ началѣ своей службы, а первачи, признававшіе себя таковыми лишь потому, что успѣли невѣдомыми путями захватить первый окладъ),—допустимъ, что они, стараясь разъединиться съ актерами мелкими, стараясь отдалить ихъ отъ себя, но, въ то-же время, чувствуя, хотя безсознательно, разницу между ними и собою, единственно лишь въ получаемыхъ окладахъ, имъ ничего не оставалось, какъ сдѣлаться, въ отношеніи ихъ, *господами*